

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381

УДК 82.161.1.09"18"

Ю. Н. Сытина*Московский государственный областной университет
(Москва, Российская Федерация)*

yulyasytina@yandex.ru

Пасквиль П. В. Долгорукова на В. Ф. Одоевского как возможный прототекст статьи Келлера в «Идиоте» Ф. М. Достоевского*

Аннотация. Вторая часть романа Ф. М. Достоевского «Идиот» включает эпизод чтения клеветнической статьи против Мышкина, написанной в защиту «сына Павлищева». В данной работе выдвигается гипотеза, что одним из источников этой статьи мог послужить опубликованный в эмигрантском издании «Будущность» пасквиль П. В. Долгорукова «Министр Ланской», содержащий обширное примечание о В. Ф. Одоевском. То, что личность и взгляды Одоевского вызывали симпатию и интерес у Достоевского, в том числе во время работы над романом «Идиот», делают эту гипотезу небеспопеченной. Подкрепляют ее схожие мотивы и приемы в текстах статей: «авторская» позиция; гиперболизация или сатирическое приписывание высмеиваемым общих черт (глупости, ничемности, расточительности, порочности, безнаказанности, слабости к женскому полу, увлеченности европейским миром); искажение и перевертывание фактов; не столько идеологическая, сколько личная причина пасквиля; цитирование И. А. Крылова и А. С. Грибоедова и др. Однако противоположность реакции Мышкина и Одоевского на пасквиль позволяет говорить и о существенных различиях между героем и его возможным прототипом. Статья П. В. Долгорукова «Министр Ланской» публикуется в качестве приложения к статье.

Ключевые слова: прототип, пародия, пасквиль, Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, П. В. Долгоруков, «Идиот», «Будущность», эмигрантская пресса

Об авторе: *Сытина Юлия Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005)

Дата поступления: 09.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Сытина Ю. Н. Пасквиль П. В. Долгорукова на В. Ф. Одоевского как возможный прототекст статьи Келлера в «Идиоте» Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 133–155. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381

Называя возможных прототипов князя Мышкина, исследователи неизменно упоминают писателя, философа, государственного деятеля князя Владимира Федоровича Одоевского. Они отмечают жизненные и личностные совпадения в образах героя и прототипа, которые «обнаруживают себя на всех уровнях: в чертах внешности, деталях биографии, во взглядах Одоевского по самым разнообразным проблемам, переосмысленных Достоевским и преломившихся в его романе» [Левина: 139] (см. также: [Викторович], [Баталова], [Назиров, 1982])¹.

Вместе с тем в рамках рассуждений об Одоевском как о прототипе Мышкина внимание исследователей не привлекал эпизод чтения статьи Келлера о «сыне Павлищева» из второй части романа «Идиот». Эту статью, обнаруженную в одной еженедельной газете «из юмористических»², принято воспринимать как «пародию на статьи, помещавшиеся в “Искре”, в отделе “Нам пишут”»³ [Фридендер: 392]. Эпиграмма же, которой оканчивается статья, — это пародия Достоевского на «выпад» против него самого, а именно: на «детскую сказку в стихах» М. Е. Салтыкова-Щедрина «Самонадеянный Федя», опубликованную в «Свистке» (№ 9 за 1863 год) (см. подробнее: [Строганова]). Исследователи усматривают в статье «намек на теорию “разумного эгоизма” в интерпретации Чернышевского и других шестидесятников» [Фридендер: 393]. По мнению С. А. Кибальника, сопоставившего теории П.-Ж. Прудона и М. Штирнера со взглядами «Бурдовского и К^о», в лозунгах последних «звучат мотивы не столько философского позитивизма, сколько анархизма» [Кибальник: 58].

Изучение биографии Одоевского дает возможность выдвинуть гипотезу о существовании еще одного возможного прототекста этой статьи в романе — «источника» не столько в философском или идеологическом, сколько в жизненно-типологическом плане. Не только в романе на Мышкина пишут пасквиль — подобный эпизод был и в жизни Одоевского, о чем, по всей вероятности, могло быть известно Достоевскому.

В 1860 г. в периодическом эмигрантском (Лейпциг, Германия) издании князя П. В. Долгорукова «Будущность» (1860–1861) — в первом же (сентябрьском) номере — появилась статья «Министр Ланской», в которую вошло примечание об Одоевском как о муже сестры Сергея Степановича Ланского — Ольги Степановны. Как явствует из дневника Одоевского, ему стало известно об этой статье 20 ноября 1860 г. Почти сразу же в его руки попала и сама заметка⁴. Именно в это время, о чем свидетельствует тот же дневник, Одоевский принимает горячее участие в судьбе Ап. Григорьева. Так, 28 декабря он лично встречается с М. М. Достоевским и просит того помочь Ап. Григорьеву. Возможно, именно эта встреча повлияла на приглашение последнего к сотрудничеству в журнале братьев Достоевских «Время». В дневнике, описывая свои встречи с Ап. Григорьевым, Одоевский упомянул, что старался «утешить» критика, жаловавшегося на дурные отзывы о нем в прессе, рассказами про статью П. В. Долгорукова о нем самом.

Последующее тесное сотрудничество Ф. М. Достоевского с Ап. Григорьевым и его обостренное внимание к современной публицистике, в том числе к эмигрантской прессе, дают повод предположить, что статья из «Будущности» могла быть ему известна.

Илл. 1. Фрагмент титульной страницы русскоязычной газеты "Будущность", издававшейся в Лейпциге

Fig. 1. A Fragment of the Title Page of the *Buduschnost* Russian-Language Newspaper, Published in Leipzig

Тот факт, что Ф. М. Достоевский интересовался Одоевским в это время, подтверждается его перепиской с Ф. Н. Бергом. Корреспонденты обсуждали критический отзыв последнего о статье Одоевского «Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро», опубликованной в «Сельском чтении». Она, как и ряд других статей и сказок Одоевского, была адресована крестьянским детям⁵ и написана простым, но проникновенным языком. На этот раз главным наставлением крестьянина Наума стало поучение о важности соблюдать установления Церкви и усердно молиться, причем «не об одном себе», но «за всех человек, за Царей и всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистности»⁶. Из переписки Достоевского и Берга не явствует, что именно не понравилось критику в «наставлении» Наума, но Достоевский (если и согласился в чем-то с отзывом Берга) в целом отверг его критику, не напечатав во «Времени». В письме от 12 июля 1861 г. он объяснил свою позицию так:

«Положим, Вы правы: но книга составлена была честнейшим человеком и, главное, замечательнейшим деятелем во время всеобщего гнета над литературой, принесшим ей много пользы и многим ей пожертвовавшим. <...> К чему же огорчать человека (Одоевского. — Ю. С.), которого все

уважают и про которого во всю *честную* жизнь его никто не сказал ничего дурного, а даже совершенно напротив» (*Достоевский*, 28, 18)⁷.

Этот отклик Достоевского появился уже после выхода публикации Долгорукова в «Будущности». Выделенные писателем слова «*все*» и «*честную*», по нашему предположению, свидетельствуют о стремлении Достоевского показать свое негативное отношение к явной клевете Долгорукова (вероятно, известной и Бергу). Акцентуация слов «*все*» и «*честную*», не вполне понятная сама по себе, становится ясной в свете скрытой полемики с Долгоруковым. Знакомство с явно несправедливым пасквилем на Одоевского могло усилить у Достоевского желание защитить личность старшего писателя от нападков или критики.

Рискнем выдвинуть гипотезу, что пасквиль П. В. Долгорукова, посвященный Одоевскому, мог послужить прообразом эпизода с клеветнической статьей о Мышкине в «Идиоте». Конечно, было немало других возможных источников, на которые мог так или иначе пародийно откликнуться Достоевский — мастер журнальной полемики, которая была «исполнена сарказма и иронии, насыщена обличениями и разоблачениями» [Захаров: 21], успешно использовавший «журнализм» в романах (см.: [Шаулов]). Но то, что фигура Одоевского «живо присутствовала в сознании писателя непосредственно во время работы над романом» [Левина: 151], как представляется, делает эту гипотезу небеспочвенной.

Подтверждают ее также те совпадения и переклички, которые обнаруживаются при анализе текстов Долгорукова (причем не только примечания, посвященного Одоевскому, но всей статьи «Министр Ланской») и статьи из «Идиота».

Прежде всего, стоит отметить схожую авторскую⁸ позицию. Публицист выступает как уполномоченный представитель безусловной *истины*, вещает от ее имени, постоянно давая почувствовать собственную непогрешимость — в отличие от обличаемого. Долгоруков занимает такую позицию с первых же строк программной статьи «Будущности», опубликованной перед заметкой о Ланском, полагая одной из своих задач, вопреки царящему в России всеобщему «грабежу» и «произволу» «чиновной орды и тайной полиции»⁹, совершить «разбор указов и действий русского правительства с точки зрения правосудия, просвещения и человечности» (*Долгоруков*, 3). Все последующие его статьи также носят отпечаток подобной «непогрешимости» и осознания собственного «героизма».

У Достоевского статья начинается с характерного (глубоко пародийного в контексте всего романа) лозунга: «*Пролетарии и отпрыски, эпизод из дневных и всedневных грабежей! Прогресс! Реформа! Справедливость!*» (*Достоевский*, 8, 217). В сущности, это тот же, что и у Долгорукова, только более радикальный, призыв с позиции *правды* и *справедливости* выступить против «грабежей». В дальнейшем в статье подчеркивается «благородный характер»

«отчима» Бурдовского, самого «сына Павлищева», который «добывал деньги ежедневным благородным трудом от купеческих уроков и тем содержал себя сначала в гимназии, а потом слушателем полезных ему лекций, имея в виду дальнейшую цель» (*Достоевский*, 8, 220). Благородными чертами наделяется в статье и адвокат — «может быть, и действительно большой мошенник» (*Достоевский*, 8, 234) — обстоятельство, вызвавшее улыбку и недоумение даже у стремящегося всех примирить Мышкина.

Подобная безапелляционная уверенность в собственной правоте и полное презрение ко всем другим мнениям — вообще характерная черта революционной прессы (в «Идиоте» главный автор статьи — Келлер — признается князю: «...все так пишут» (*Достоевский*, 8, 225)), перекочевавшая затем и в послереволюционный советский дискурс (см.: [Есаулов]). В этом смысле, хотя Долгоруков и отмежевывался от революционеров в качестве конституционного монархиста¹⁰, но по стилю был к ним весьма близок.

Лозунг, с которого начинается статья в «Идиоте», перекликается с иными местами у Долгорукова, чья публицистика изобилует восклицательными знаками и риторическими вопросами. В конце статьи о Ланском читаем: «А Россия, для наших сановников, что такое?... Дойная корова! Ей! Господа! Берегитесь и обдумайтесь! Смотрите, чтобы дойная корова вскоре не превратилась для вас в разъяренного быка!» (*Долгоруков*, 8).

Обратимся к «портретам» тех, против кого направлены пасквили. В начале примечания, посвященного Одоевскому, Долгоруков сразу аттестует его как «единственного и весьма жалкого представителя древнего и знаменитого рода» и личность «довольно забавную» (курсив мой. — Ю. С.) (*Долгоруков*, 6). Келлер и соавторы также не преминут подчеркнуть, что «последний в роде барский отпрыск был идиот» (курсив мой. — Ю. С.) (*Достоевский*, 8, 218). И если Одоевского Долгорукий прямо так называть не будет, то в целом портрет окажется близок к подобному почти «медицинскому» определению.

«Биография» Одоевского, как и Мышкина, строится на нанизывании один на другой нескольких «анекдотов». Во втором случае в центре оказывается «странный анекдот с одним из отпрысков миновавшего помещичьего нашего барства» (*Достоевский*, 8, 217), т. е. история с «сыном Павлищева», но ее обрамляют «побочные» весьма «засорные» обстоятельства, изложенные также в виде «анекдотов». В заметке об Одоевском главной точкой «удара», что будет обосновано ниже, становится презрение к нему Пушкина, но эпизод с поэтом окружает целый ряд «анекдотов», должных показать несостоятельность Одоевского как мыслителя, честного чиновника и вообще здравомыслящего человека.

Соотношение Мышкина и Павлищева как покровителя и покровительствуемого по-своему соотносимо с парой министр Ланской и Одоевский, хотя в последнем случае прямо речь о каком-то родственном покровительстве не идет. В обоих парах фокус внимания пасквилянтов в большей степени

сосредоточен на «патронах», но по складу своему они оказываются вполне схожи с «младшими» героями.

Долгоруков нарочито подчеркивает в Ланском расточительность и развращенность («от природы ленивый, беспечный и бестолковый, промотал почти все имение жены и детей своих» (*Долгоруков*, 7)). Сквозными мотивами характеристики министра становятся глупость и никчемность: «При уме самом ограниченном, при характере слабом и трусливом» (*Долгоруков*, 6); Ланской — «чернильница, куда всякий обмакивает перо, чтобы писать всякую чушь» (*Долгоруков*, 8). Глупость подчеркивается и как отличительная черта Одоевского, который «между светскими людьми слывет за литератора, а между литераторами за светского человека», весь исполнен «низкопоклонности, украшенной совершенною неспособностью ко всему дельному и серьезному» (*Долгоруков*, 6).

Келлер также последовательно акцентирует глупость Мышкина и Павлицева, но делает ее общей чертой «отпрысков, которых еще деды проигрались окончательно на рулетках, отцы принуждены были служить в юнкерах и поручиках и, по обыкновению, умирали под судом за какой-нибудь невинный прочет в казенной сумме, а дети которых, подобно герою нашего рассказа, или растут идиотами, или попадают даже в уголовных делах, за что, впрочем, в видах назидания и исправления, оправдываются присяжными» (*Достоевский*, 8, 217). Полную безнаказанность Ланского как высокопоставленного человека нарочито подчеркивает и Долгоруков.

Мотовство и глупость — главные черты «П.», который «был, по-видимому, один из тех русских лежебок и тунеядцев, что проводили свою праздную жизнь за границей, летом на водах, а зимой в парижском Шато-де-Флёре, где и оставили в свой век необъятные суммы» (*Достоевский*, 8, 218). Как и Ланской, «П.» проматывает свое имение.

Склонны к порокам и покровительствуемые: супруга Одоевского, Ольга Степановна Ланская («женщина крайне честолюбивая»), «перевезла» мужа в Петербург и «приохотила» «к петербургским слабостям и мелким проискам» (*Долгоруков*, 6); о Мышкине же узнаем:

«Около нашего барона в штиблетах, приударившего было за одною известною красавицей-содержанкой, собралась вдруг целая толпа друзей и приятелей, нашлись даже родственники, а пуще всего целые толпы благородных дев, алчущих и жаждущих законного брака, и чего же лучше: аристократ, миллионер, идиот — все качества разом, такого мужа и с фоном не отыщешь, и на заказ не сделаешь!..» (*Достоевский*, 8, 219).

И в том, и в другом случае появляется мотив женского доминирования над глупым «героем». Слабость к прекрасному полу приписывается и «П.», якобы привозившему «из Парижа» для «отпрыска» «гувернанток (без сомнения, хорошеньких)» (*Достоевский*, 8, 218); этот мотив угадывается

и в обрисовке облика Ланского, которого «женили» на «богатой невесте» (Долгоруков, 6). Как резюмирует в дневниковой записи Одоевский «отзыв» Долгорукого о Ланском, тот «проиграл все свое состояние на девицах и румянах» (цит. по: [Щеголев: 466]¹¹).

Еще одна схожая тема в обеих статьях — выпады против Европы и высмеивание героев за счет их «нерусскости». В обоих случаях — и это объединяет «реального» и «выдуманного» авторов — подобные выпады отбрасывают двусмысленную тень на пасквилянтов: находящегося в эмиграции Долгорукова и еще при первом появлении иронически представленного как «западник» Келлера (в этом смысле компрометирует героя сама его фамилия; как «косноязычный или даже иностранец» аттестуется и Бурдовский, хотя он «происхождения совершенно русского» (Достоевский, 8, 133, 215)). Келлер (весьма вероятно, что именно эти фразы «вставлены» «поправлявшим» (Достоевский, 8, 242) слог Лебедевым) ссылкой на Европу указывает на лживость времени: «...век национальности и сотен миллионов, вывозимых каждый год за границу» (Достоевский, 8, 217); в том числе и «П.» оказывается из тех, которые «проводили свою праздную жизнь за границей <...>, где и оставили в свой век необъятные суммы» (Достоевский, 8, 218); глупость Мышкина подчеркивают «штиблеты по-иностранному» и вся поездка в Швейцарию, где он «лечился от идиотизма (sic!)» (Достоевский, 8, 217).

Если «П.» искал для «отпрыска» «ума» в Швейцарии, то Одоевский «усердно изучал немецкую философию», да так, что «при пожаловании своем в камер-юнкера <...> пришел в восторг, столь непомерный, что начальник его тогдашний министр юстиции Дашков, человек весьма умный, сказал: *вот однако к чему приводит немецкая философия!*» (Долгоруков, 6). Помимо этого Одоевский «производил неудачные химические опыты» (Долгоруков, 6), в чем он вполне мог бы быть «аттестован» и как Шнейдер — «шарлатан порядочный» (Достоевский, 8, 218). Как сообщит уже Мышкин, «замечательным ученым» был Павлицев, и слова в его защиту вполне могли бы быть сказаны об Одоевском:

«...вы называете этого благороднейшего человека сладострастным и легкомысленным так смело, так положительно, как будто вы и в самом деле говорите правду, а между тем это был самый целомудренный человек, какие были на свете! Это был даже замечательный ученый; он был корреспондентом многих уважаемых людей в науке и много денег в помощь науки употребил» (Достоевский, 8, 226).

В обоих случаях факты не просто толкуются самым превратным образом, но сознательно перевираются и даже выдумываются (Одоевский, например, не «кропал плохие стихи» (так как практически не писал стихов) и никогда не служил в юстиции; Мышкин горестно упрекает Келлера за «неправду» о его отце и Павлицеве (Достоевский, 8, 226)).

Достоевский «заставляет» по-своему наивного и даже восторженного Келлера в ответ на увещевания Мышкина изложить свою «эстетическую» программу:

«Резко, хотите сказать? Но ведь тут, так сказать, польза обществу, согласитесь сами, и, наконец, возможно ли пропустить вызывающий случай? Тем хуже виновным, но польза общества прежде всего. Что же касается до некоторых неточностей, так сказать гипербол, то согласитесь и в том, что прежде всего инициатива важна, прежде всего цель и намерение; важен благодетельный пример, а уже потом будем разбирать частные случаи, и, наконец, тут слог, тут, так сказать, юмористическая задача, и, наконец, — все так пишут, согласитесь сами!» (*Достоевский*, 8, 225).

Долгоруков, в отличие от Келлера, считал (по крайней мере, провозглашал), что публикует полную «Правду о России»¹², но своей «правдой» о частных лицах и он полагал принести «пользу обществу». С этой целью Долгоруков составил список из 46 близких к русскому Двору персон, биографические сведения о которых он решил придать гласности (список, как и заметка об Одоевском, был также опубликован в примечании к статье «Министр Ланской»).

Помимо схожей авторской позиции, приемов и мотивов при создании пасквильных портретов, статьи объединяет общая цитация: и Долгоруков, и Келлер обращаются к басням И. А. Крылова и к «Горю от ума» А. С. Грибоедова. Долгоруков называет назначение Ланского на должность министра внутренних дел «пародией басни лягушек, просящих чурбана в цари» (*Долгоруков*, 7). В «Идиоте» же получение Мышкиным наследства сопровождается пассажем:

«...фортуна, убивающая голодною смертью целые губернии, проливает все свои дары разом на аристократика, как крыловская Туча, пронесшаяся над иссохшим полем и разлившаяся над океаном» (*Достоевский*, 8, 219).

Касаясь вопроса о крепостном праве (эта тема поднимается и в статье Долгорукого), Келлер вворачивает слова Чацкого: «...свежо предание, а верится с трудом» (*Достоевский*, 8, 218). Словами этого же героя (хотя и неточными) завершается вся статья Долгорукого о Ланском:

«Он дойдет до степеней известных:

У нас ведь любят бессловесных!»

(*Долгоруков*, 8).

Стихотворные строки приводятся и в самом конце статьи Келлера — здесь это также ссылка на «авторитет» писателя, в данном случае — М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как уже было упомянуто, Достоевский переделывает

эпиграмму сатирика в свой же адрес, тем самым прозрачно намекая на то, кто скрывается за «пером известного юмориста» (*Достоевский*, 8, 225).

Любопытно, что Одоевский, переписав примечание о себе Долгорукова в дневник, также закончит его стихами, но уже в ответ пасквилянту. И если у Долгорукова и «защитников» «сына Павлищева» в стихах подчеркивается бесхарактерность и подлость адресата статей, то Одоевский, напротив, заявляет о чести и готовности дать отпор:

«Я посылаю Петру Долгорукову следующий ответ:

Стихов не писал,
Музыкой не надоедал,
Спины не сгибал,
Честно жил, работал,
Подлецов в рожу бивал» [*Текущая хроника...*]: 117].

Одоевский был так возмущен пасквилем Долгорукова, что не захотел оставить его без ответа, хотя и прекрасно понимал невозможность такой публикации. Сразу после переписанной заметки в дневнике он с горечью размышляет: «Где писать? В наших журналах нельзя, ибо запрещается говорить о запрещенных книгах. За границей? Где? не уж-ли послать в “Колокол”? Странное положение, в которое ставят нас цензурные постановления» [*Текущая хроника...*]: 118].

Одоевский все-таки напишет ответное послание на статью «в одном безграмотном журнале» (цит. по: [Щеголев: 468]), но оно так и не будет опубликовано при его жизни. «Брань такого человека», как Долгоруков, будет объяснять Одоевский в этом ответе, «не стоит даже презрения», но лживый рассказ об его отношениях с А. С. Пушкиным и Д. В. Дашковым требует опровержения¹³. Что касается первого, то «анекдот, выдуманный бесчестным клеветником, и по времени, и по характеру наших отношений с Пушкиным, не мог существовать ни в каком виде и ни при каком случае» [Щеголев: 469]¹⁴. Причину всей заметки о себе Одоевский объясняет так: «Все это вымыслено клеветником <...> потому только, что *после многих его бесчестных и бесчеловечных поступков более или менее тайных совершился один ужасный, в действительности которого уже не было ни малейшего сомнения*, и тогда я запретил этого безнравственного негодяя пускать к себе в переднюю» (цит. по: [Щеголев: 469]).

Весьма вероятно, что подозрение Одоевского справедливо. Долгорукова крайне волновали сильно компрометирующие его слухи о причастности к смерти Пушкина, и он выступал печатно с их опровержением (слухи эти появились именно после издания «Будущности», о чем пишет сам Долгоруков, — имени Одоевского, однако, более не упоминая (см.: [Щеголев: 470–471])). Весьма правдоподобно, что давний пасквилянт поспешил воспользоваться первой же возможностью, чтобы облить грязью человека,

могущего авторитетно¹⁵ подтвердить его причастность к травле и гибели Пушкина. Поэтому так важно было для Долгорукова скомпрометировать Одоевского как философа, писателя, честного чиновника и в особенности как человека близкого Пушкину и могущего знать подробности его личной жизни.

Таким образом, реакция Одоевского на пасквиль была ближе к позиции самого Достоевского, не спускавшего своим оппонентам и клеветникам, чем реакции всепрощающего и перед всеми извиняющегося героя «Идиота».

Ответ Одоевского позволяет провести черту между прототипом и героем. Как справедливо отмечает В. А. Викторovich, некоторые сближения, которые делает Л. А. Левина между Одоевским и Мышкиным, «на поверку» оказываются «не столь уж» явными, «иные из общественно-политических идей, о которых пишет исследователь, сближают Одоевского скорее с автором романа, нежели с его героем» [Викторovich: 5–6].

В то же время художественному миру Одоевского, как и ему самому, была чужда поэтика катастроф и скандалов — импульсивные поступки, на которые отваживался в жизни Достоевский, а в романе Мышкин (визит к Настасье Филипповне, погоня за рогожинской тройкой и др.). «Чуждачество» Одоевского было несколько иного, более «книжного» и философского рода (см.: [Сытина, 2019: 21, 25–29]). Привыкший и к великосветским гостиним, Одоевский вряд ли бы столь самозабвенно увлекся разговором о религии и, не будучи подвержен болезненным припадкам, никогда бы не разбил вазу.

Как представляется, сходство и различие художественных миров Одоевского и Достоевского можно наглядно проиллюстрировать на примере отношения к железным дорогам. В художественном мире Достоевского они разрастаются в символ мертвого, механического, таящего в себе нечто inferнальное — символ «прогресса», за которым под личиной «удобства» и «комфорта» скрывается расчеловечивание мира (см.: [Сытина, 2018]). Одоевский же, будучи настроен к научно-техническому прогрессу более положительно, признает за железными дорогами «дело важное и великое», однако он предостерегает об опасности «сосредоточить все умственные, нравственные и физические силы на одно материальное направление, как бы полезно оно ни было»¹⁶ — опасности односторонности (см.: [Сытина, 2019: 34–35, 116, 252, 361]). Сами по себе достижения человеческого ума, благодаря которым совершенствуется мир «вещей», по мнению Одоевского, ничего не дают душе человека, не выводят его из лабиринта «проклятых» «вечных» вопросов, но только ослепляют призраком эфемерного превосходства¹⁷.

Вместе с тем с Мышкиным Одоевского сближает осознание себя смешным. В дневнике он пишет: «Долгоруков прав: всякая полезная деятельность бывает смешна, ибо встречает препятствия, следственно неудачи, а всякая неудача смешна. Над вредной деятельностью не смеются, но иногда ненавидят. Бездействием всегда возбуждается уважение, как калмыцкими идолами, факирами, браминами» [«Текущая хроника...»: 118].

Знал ли Достоевский о написанном, но так и не опубликованном открытом ответе Одоевского Долгорукову, — не известно, но вот о том, как писатель утешал Ап. Григорьева рассказом о пасквиле, написанном на него же Долгоруковым, Достоевский вполне мог слышать от самого критика. Возможно, в романе есть следы и этой истории, когда «обиженный» человек сам утешает другого «обиженного»: Мышкин пытается успокоить и оправдать «господина Бурдовского», соотнося его с собою: «Да ведь я уже сам убежден, что он (Бурдовский. — Ю. С.) ничего не понимает! Я сам тоже был в таком положении до отъезда в Швейцарию, также лепетал бессвязные слова, — хочешь выразиться и не можешь...» (*Достоевский*, 8, 229).

Таким образом, обнаруживается целый ряд схожих мотивов и приемов в текстах статей Долгорукова и Келлера: авторская позиция, гиперболизация или сатирическое приписывание высмеиваемым лицам общих черт (глупости, никчемности, расточительности, порочности, безнаказанности, слабости к женскому полу, увлеченности европейским миром), искажение и перевираание фактов, цитирование И. А. Крылова и А. С. Грибоедова и др. Ориентировался ли Достоевский в действительности на эту статью и насколько сознательно он мог это делать, — установить, по-видимому, невозможно, но проведенный текстологический анализ, как представляется, делает выдвигаемую гипотезу далеко не беспочвенной, обогащая «спектр» возможных интерпретаций романа «Идиот» (см.: [Есаулов, Сытина]).

В заключение можно добавить, что в обоих случаях авторы статей обращают свое «жалю» против не столько идейных, сколько личных противников, руководствуясь особыми жизненными мотивами. У Достоевского нигилисты выступают со своим «правом» и прикрывают разговорами о пользе «гласности» и «здорового смысла» преследование чисто материальной выгоды. Долгоруков же, заявляя о желании провозглашать «Правду о России», судя по всему, имел глубокие личные мотивы скомпрометировать Одоевского.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90043 («Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского»).

- 1 Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения. Например, Р. Г. Назиров замечал: «На Одоевского князь Мышкин тоже (как и на «знаменитого доктора Гааза». — Ю. С.) не похож ни характером, ни внешним обликом, ни положением в обществе» [Назиров, 1982: 74]. В то же время ученый подробно писал о большом значении творчества Одоевского для Достоевского (см.: [Назиров, 2005]).
- 2 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1973. Т. 8. С. 217. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский* и указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках.
- 3 Возможный намек на это есть и в самом тексте романа: «Но сочинял я и напечатал в журнале искреннего друга, в виде корреспонденции» (*Достоевский*, 8, 225; курсив мой. — Ю. С.).

- 4 Одоевский переписал посвященное ему примечание в дневник, сопроводив комментариями. Эта дневниковая запись опубликована в ряде изданий (см.: [Щеголев: 466–467], [«Текущая хроника...»: 117–118]). Поскольку текст всей статьи Долгорукова не публиковался повторно, да и Одоевский по тем или иным причинам не переписал в дневник (и потому этого нет в перечисленных изданиях) последний абзац заметки, статья «Министр Ланской» приводится полностью в приложении к данной работе.
- 5 Вопрос об образовании крестьян и расширении круга их чтения был особо актуален во второй половине XIX века и интересовал многих писателей. См., напр.: [Макаревич].
- 6 Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро // Сельское чтение. 1851. Кн. I. С. 14.
- 7 Любопытно, что в этом же письме Достоевский отклоняет и критику Бергом Ап. Григорьева (см.: *Достоевский*, 28₂, 18).
- 8 Поскольку «статья» из романа рассматривается нами как некий интертекст (пародийный исключительно в сфере авторского видения, но не с точки зрения героев) здесь и далее под ее «автором» будет пониматься Келлер.
- 9 Будущность. 1860. № 1. С. 1. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Долгоруков* и указанием страницы в круглых скобках. Здесь и далее цитаты из дореволюционных источников приводятся в современной орфографии.
- 10 П. В. Долгоруков ратовал за конституционный монархизм и был против революции, но по-своему солидаризировался с А. И. Герценом и его окружением. В программной статье «Будущности» Долгоруков писал: «Единственной целью нашею — истина, и в этом отношении мы будем следовать примеру лондонского *Колокола*», хотя тут же оговаривался, что «политические мнения издателей *Колокола* совершенно расходятся с нашими — они социалисты» (*Долгоруков*, 3). «Друзья» «сына Павлищева» идут дальше не только Герцена, но и — если верить Лебедеву — «нигилистов», однако с Долгоруковым их сближает неграмотность и невежество: Одоевский называет Долгорукова «недоучившимся господином» (цит. по: [Щеголев: 468]; курсив Одоевского. — Ю. С.), Лебедев же размышляет на счет компании своего племянника: «Нигилисты все-таки иногда народ сведущий, даже ученый, а эти — дальше пошли-с, потому что прежде всего деловые-с» (*Достоевский*, 8, 213)». Позже Келлер не раз будет признаваться, что своим «образованием манкировал» (*Достоевский*, 8, 249).
- 11 В «Текущей хронике...» дан другой вариант прочтения этих строк: «Сергей Степанович [Ланской] проиграл все свое состояние на цыганах и румынах» [«Текущая хроника...»: 116]. Поскольку в статье Долгорукова ничего не говорится ни о румынах, ни о цыганах, вариант прочтения рукописного дневника Одоевского Щеголевым представляется более верным.
- 12 Название книги П. В. Долгорукова.
- 13 Интересно, что Одоевский ни слова не напишет в защиту Ланского. Возможно, он полагал это вне своей компетенции.
- 14 Справедливости ради, стоит отметить, что Долгоруков, судя по всему, основывает историю об ироничной оценке Пушкиным «Пестрых сказок» Одоевского на воспоминаниях В. А. Соллогуба и В. Ф. Ленца, опубликованных уже после смерти Одоевского (см.: [Вацуру: 230]).
- 15 По аргументированному мнению П. Е. Щеголева, «свидетельство Одоевского определено и авторитетно, и значение его невозможно снизить даже ссылкой на личную обиду, причиненную Долгоруковым Одоевскому» [Щеголев: 470].
- 16 Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 35.
- 17 В «Русских ночах» Фауст размышляет на этот счет: «А книгопечатание? А паровые машины? А железные дороги? Разве не раздвинули они круга деятельности человека и не

показывают славных побед, одержанных им над противоборствующей ему природой? Так! — восклицали они (юные правдоискатели. — Ю. С.): XIX век понял, в чем состоит задача, заданная ему провидением! Все это заставило не раз задуматься моих молодых наблюдателей. Между тем время проходило, юноши становились мужчинами, а их вопросы... вопросы не находили ответа. Невольно снова заглянули они в истерты листки старой забытой книги — и вопросы их разрослись еще сильнее, как росток, попавший в плодородную землю. Состояние души моих молодых искателей довольно хорошо выражается в оставшейся после них небольшой тетрадке с довольно странным эпиграфом: *Humani generis mater, nutrixque profecto dementia est* <Безумие, конечно, мать рода человеческого и кормилица (лат.)>. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Изд-во «Наука», 1975. С. 19.

Список литературы

1. Баталова А. Н. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в автобиографическом и реально-историческом контекстах // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 28 (282). — С. 21–25.
2. Вацуро В. Э. Последняя повесть Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: исследования и материалы. — Л.: Наука, 1979. — С. 223–252.
3. Викторovich А. В. Нефантастичность «фантастичного “Идиота”» // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 1. — С. 3–19 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524745042.pdf (15.12.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3401.
4. Есаулов И. А. Революционно-демократическая мифология как фундамент советской истории русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — № 5. — С. 191–202 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2492> (15.12.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2492.
5. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Объяснение, интерпретации и понимание в изучении и преподавании литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 2 (42). — С. 21–25.
6. Захаров В. Н. Кодекс Достоевского: журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. — С. 17–26.
7. Левина Л. А. Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1997. — Т. 14. — С. 139–152.
8. Кибальник С. А. «Эпизод с современными позитивистами» в романе Достоевского «Идиот» (из дополнений к комментарию) // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 4. — С. 53–59 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453715571.pdf (15.12.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2506
9. Макаревич О. В. Н. С. Лесков и книги «для народа» (к истории издания сборника «Зеркало жизни истинного ученика Христова») // Русская литература. — 2018. — № 4. — С. 83–90.
10. Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1982. — 160 с.
11. Назиров Р. Г. Владимир Одоевский и Достоевский // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 37–41.

12. Строганова Е. Н. Салтыков и Достоевский в полемике начала 1860-х годов // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra, антология: Книга вторая. — СПб.: РХГА, 2016. — С. 544–573.
13. Сытина Ю. Н. «Русь, куда ж несешься ты?»: от «птицы-тройки» до железной дороги (Гоголь, Достоевский и другие) // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 4. — С. 115–139 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544616282.pdf (15.12.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5601
14. Сытина Ю. Н. Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов. — М.: Индрик, 2019. — 392 с.
15. «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. — М.: Жур.-газ. объединение, 1935. — С. 79–308. — (Серия «Литературное наследство»; т. 22/24).
16. Шаулов С. С. Строение и функции «журналистского нарратива» у Достоевского // Достоевский и журнализм. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. — С. 170–178.
17. Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: с приложением новых материалов из нидерландских архивов. — СПб.: Академический проект, 1999. — 654 с.
18. [Фридлиндер Г. М.] <Вводная заметка к комментариям> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1974. — Т. 9. — С. 337–427.

Yuliya N. Sytina

*Moscow State Regional University
(Moscow, Russian Federation)*

yulyasytina@yandex.ru

P. V. Dolgorukov's Lampoon of Odoevsky as the Potential Proto-Text of Keller's Article in *The Idiot* by F. M. Dostoevsky

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90043.

Abstract. The paper suggests that one of the sources of the article in “defense” of “Pavlishchev’s son” against Myshkin in F. M. Dostoevsky’s novel “The Idiot” could have been the “Minister Lanskoj” lampoon by P. V. Dolgorukov. It was published in the émigré periodical *Budushnost’* (“Future”) and contained an extensive addendum about V. F. Odoevsky. The fact that Dostoevsky had demonstrated an interest and was sympathetic to Odoevsky’s personality and views, specifically, during his work on “The Idiot” substantiate this hypothesis. It is further confirmed by similar motifs and techniques in the texts of the two articles, for instance, the author’s position, hyperbole, distortion of facts, satirical attribution of common features to the lampooned persons (i. e., stupidity, worthlessness, wastefulness, depravity, impunity, proclivity for the opposite sex, passion for the European world). Similarities between the articles also include a personal, rather than an ideological, reason for lampooning and quoting I. A. Krylov, A. S. Griboyedov and others. Meanwhile, Myshkin’s and Odoevsky’s reactions to the lampoon are opposite. This allows us to discuss the substantial differences between the character and his possible prototype. P. V. Dolgorukov’s article “Minister Lanskoj” is published as an appendix to this work.

Keywords: prototype, parody, lampoon, F. M. Dostoevsky, V. F. Odoevsky, P. V. Dolgorukov, *The Idiot*, newspaper “Budushnost’” (“Future”), emigrant press

About the author: Sytina Yuliya N. — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian classical literature, Moscow Regional State University (ul. Fridrikha Engel'sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation)

Received: January 9, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Sytina Yu. N. P. V. Dolgorukov's Lampoon of Odoevsky as the Potential Proto-Text of Keller's Article in *The Idiot* by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 133–155. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381

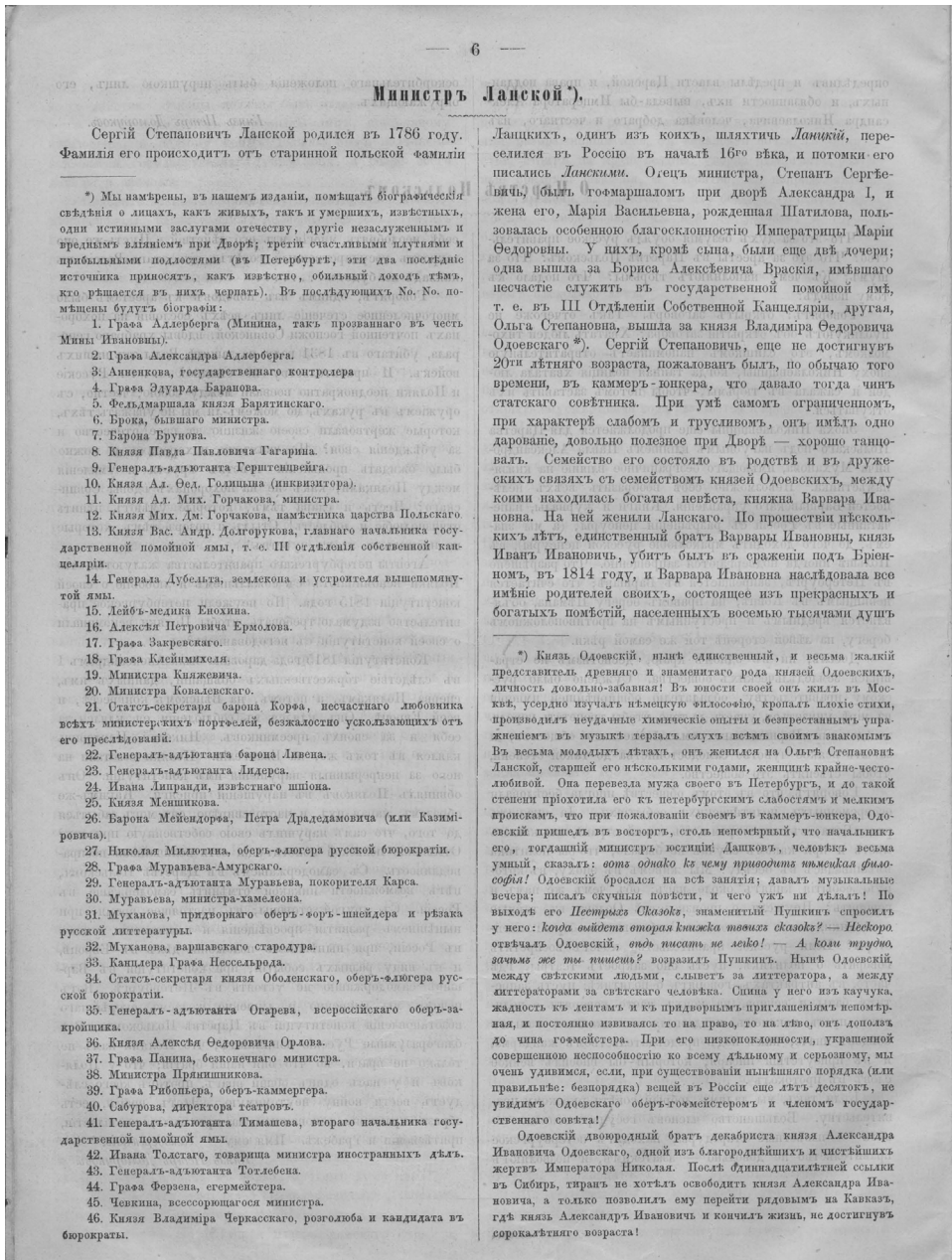
References

1. Batalova A. N. The Novel of F. M. Dostoevsky "The Idiot" in Autobiographical and Real-Historical Contexts. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2012, no. 28 (282), pp. 21–25. (In Russ.)
2. Vatsuro V. E. The Last Story of Lermontov. In: *M. Yu. Lermontov: issledovaniya i materialy [M. Yu. Lermontov: Researches and Materials]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 223–252. (In Russ.)
3. Viktorovich A. V. A Non-Fantastic Character of the «Fantastic Novel "The Idiot"». In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 3–19. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524745042.pdf (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3401 (In Russ.)
4. Esaulov I. A. Revolutionary Democratic Mythology as the Basis of Soviet Period of Russian Literature History. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, no. 5, pp. 191–202. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2492> (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2492 (In Russ.)
5. Esaulov I. A., Sytina Yu. N. Explanation, Interpretation and Understanding while Studying and Teaching Literature. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]*, 2019, no. 2 (42), pp. 21–25. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Dostoevsky Codex: Journalism as a Writer's Creative Idea. In: *Dostoevskiy i zhurnalizm [Dostoevsky and Journalism]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, pp. 17–26. (In Russ.)
7. Levina L. A. Two Princes (Vladimir Fyodorovich Odoevsky as a Prototype of Lev Nikolaevich Myshkin). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 139–152. (In Russ.)
8. Kibal'nik S. A. "An Episode with Modern Positivists" in Dostoevsky's Novel "The Idiot" (of Additions to the Comment). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 4, pp. 53–59. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453715571.pdf (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2506 (In Russ.)
9. Makarevich O. N. S. Leskov i knigi "dlya naroda" (K istorii izdaniya sbornika "Zerkalo zhizni istinnogo uchenika Hristova") [N. Leskov and Books For People (More on the History of the Publication of the Collection "The Mirror of the Life of the True Disciple of Christ")]. In: *Russkaya literature*, 2018, no 4, pp. 83–90.

10. Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy Dostoevskogo* [Creative Principles of Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
11. Nazirov R. G. Vladimir Odoevsky and Dostoevsky. In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let* [Russian Classical Literature: a Comparative Historical Approach. Studies of Different Years]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 37–41. (In Russ.)
12. Stroganova E. N. Saltykov and Dostoevsky in the Polemic of the Early 1860s. In: *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra, antologiya: Kniga vtoraya* [M. E. Saltykov-Shchedrin: Pro et Contra, Anthology: Book Two]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2016, pp. 544–573. (In Russ.)
13. Sytina Yu. N. “Rus', Where Are You Racing to?": from a Bird-Troika to a Railway (Gogol, Dostoevsky and Others). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2018, vol. 16, no. 4, pp. 115–139. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544616282.pdf (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5601 (In Russ.)
14. Sytina Yu. N. *Sochineniya knyazya V. F. Odoevskogo v periodike 1830-kh godov* [The Works of Prince V. F. Odoevsky in the Periodicals of the 1830s]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 392 p. (In Russ.)
15. «Tekushchaya khronika i osobyie proisshestviya». *Dnevnik V. F. Odoevskogo 1859–1869 gg.* [“The Current Chronicle and Special Incidents”. The Diary of V. F. Odoevsky 1859–1869]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1935, pp. 79–308. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 22–24). (In Russ.)
16. Shaulov S. S. The Structure and Functions of “Journalistic Narrative” by Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i zhurnalizm* [Dostoevsky and Journalism]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, pp. 170–178. (In Russ.)
17. Shchegolev P. E. *Duel' i smert' Pushkina: s prilozheniem novykh materialov iz niderlandskikh arkhivov* [The Duel and Death of Pushkin: with the Application of New Materials from the Dutch Archives]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 654 p. (In Russ.)
18. Fridlender G. M. Introductory Note to Comments. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1974, vol. 9, pp. 337–427. (In Russ.)

Приложение

Илл. 2. Первая страница статьи «Министр Ланской» из газеты «Будущность» (1861, № 1)
 Fig. 2. The First Page of the Article "Minister Lanskoj" from the *Buduschnost* Newspaper 1861, no. 1)

Министр Ланской*)

Сергей Степанович Ланской родился в 1786 году. Фамилия его происходит от старинной польской фамилии Ланцких, один из коих, шляхтич *Ланцкий*, переселился в Россию в начале 16го века, и потомки его писались *Ланскими*. Отец министра, Степан Сергеевич, был гофмаршалом при дворе Александра I, и жена его, Мария Васильевна, рожденная Шатилова, пользовалась особенною благосклонностию Императрицы Марии Федоровны. У них, кроме сына, были еще две дочери; одна вышла за Бориса Алексеевича Враского, имевшего несчастье служить в государственной помойной яме, т. е. в III Отделении Собственной Канцелярии, другая, Ольга Степановна, вышла за князя Владимира Федоровича Одоевского**). Сергей Степанович, еще не достигнув 20^{ти} летнего возраста, пожалован был, по обычаю того времени, в камер-юнкера, что давало тогда чин статского советника. При уме самом ограниченном, при характере слабом и трусливом, он имел одно дарование, довольно полезное при Дворе — хорошо танцевал. Семейство его состояло в родстве и в дружеских связях с семейством князей Одоевских, между коими находилась богатая невеста, княжна Варвара Ивановна. На ней женили Ланского. По прошествии нескольких лет, единственный брат Варвары Ивановны, князь Иван Иванович, убит был в сражении под Бриенном, в 1814 году, и Варвара Ивановна наследовала все имение родителей своих, состоящее из прекрасных и богатых поместий, населенных восемью тысячами душ крестьян. Варвара Ивановна умерла лет пятнадцать тому назад; она была женщина умная и почтенная, весьма любимая и уважаемая всеми своими знакомыми.

Богатство Ланского обратило на него внимание масонов, к числу коих он принадлежал по моде тогдашнего времени. Массонские ложи, при Екатерине II имевшие цель политическую и цель благотворительную вместе, и с большим успехом подвизавшиеся на обоих поприщах, были закрыты Екатериною в девяностых годах прошлого столетия. При Павле о них не могло быть и речи. При Александре они возобновились, но вскоре, по кончине лучших и чистейших своих деятелей, Николая Ивановича Новикова, Ивана Петровича Тургенева, Ивана Владимировича Лопухина, масонские ложи обмельчали и наконец, по запрещении их в последние годы царствования Александра I, и в особенности по воцарении Незабвенного, продолжали существование скрытное, уже не вмешиваясь в политику, и даже избегая ее. Массонство в России преобразилось в общество взаимного вспомоществования и поддержки взаимной; богатые масоны щедро помогали бедным; люди влиятельные, сильные, имеющие связи, усердно покровительствовали своим братьям; хотел ли масон получить какое-либо место, искал ли выиграть процесс, все масоны помогали ему своим влиянием, и эта поддержка, тем более сильная, что оставалась тайною и невидимою, много способствовала карьере Ланского. Он доселе председатель тайной петербургской масонской ложи,

точно так, как недавно умерший Сергей Павлович Фон-Визин был, до самого конца жизни своей, председателем тайной московской масонской ложи. Ланской, от природы ленивый, беспечный и бестолковый, промотал почти все имение жены и детей своих.

Поселясь, после своей свадьбы, в Москве, он, влиянием масонов, избран был там в совестные судьи, и оказался совершенно непонимающим дел. Его назначили губернатором во Владимир: вскоре по губернии пошел хаос. Куда девать бестолкового губернатора? Разумеется, в кладовую, куда сливают все бесполезное — в правительствующий Сенат! И Ланского сделали сенатором. Оказалось, что он вовсе не понимает дел. Его сажают в почетные опекуны петербургского воспитательного дома. Казалось, делать почетным опекуном человека, промотавшего имение жены и детей — противно всем понятиям здравого рассудка, но разве русское правительство действует по наитию здравого рассудка? У нового почетного опекуна пошел ералаш во вверенных ему делах. Тогда, отчасти поддержкою масонов, отчасти покровительством своего родственника, председателя государственного совета князя Чернышева (мать его была Ланская), Сергей Степанович был назначен, 1 января 1850 года, членом государственного совета. Тут он был, конечно, на своем месте, среди всех стариков бездарных и бесполезных, наполняющих эту государственную богадельню. Неспособность Ланского не могла, в Петербурге, остаться без награды. 1 января 1851 года он вступил в чин действительного советника, высшую гражданскую степень в парнике дураков, именуемом табелью о рангах. Кроме того, судьба готовила Ланскому будущность, им вовсе неожиданную.

С 1852 по 1855 год министром внутренних дел находился Дмитрий Гаврилович Бибииков, имевший целью ввести по всей России сельские инвентари, чтобы, по прошествии немногих лет, перейти к полному освобождению крестьян с землею, и вознаграждению помещиков финансовыми мерами. Император Александр будучи Великим Князем, сильно противился освобождению крестьян, и при всяком случае изъявлял особое нерасположение к Бибиикову. Сей последний навлек также на себя ненависть пронырливого князя Орлова и лукавого Дубельта, под именем ленивого и беспечного Орлова самовластно управлявшего тайною полицией. Предшественники Бибиикова в министерстве внутренних дел имели слабость дозволить Дубельту, не только вмешиваться во многие дела этой важной ветви управления, но еще иногда и решать эти дела самовольно. Бибииков, что называется, осадил Орлова и Дубельта, и они, воскипев гневом, всеми силами старались раздуть неудовольствие на него нового Государя, и без того его не любившего. Орлову хотелось иметь министра внутренних дел, который, и по неспособности умственной, и по слабости характера трусливого, безропотно допускал бы вмешательство тайной полиции во все дела, куда ей вздумается запустить свою руку грязную и жадную; сверх того, Орлов, окончивающий уже в то время седьмой десяток лет своих,

полагал, что все люди, недостигшие 60^{ти} летнего возраста — мальчишки неопытные (мнение, в течение последних тридцати лет весьма распространенное при С. П. Бургском дворе). В 1851 году, во время летней поездки на воды графа Льва Перовского, Ланской четыре месяца управлял министерством внутренних дел, оказал свою неспособность, но вместе с тем и угодливость III отделению. Орлов знал, что Ланскому 69 лет от роду; он знал, что Ланской неспособен ни к чему, что Ланской трус, что Ланской промотался и что ему нечем жить: лучше Ланского ему найти было нельзя. Это была пародия басни лягушек, просящих чурбана в цари: тут мы увидели министров, которые стали просить себе у Царя в товарищи чурбана — и получили. Ланской назначен был министром внутренних дел 20 августа 1855 года, через полгода по воцарении Александра II, через полгода после памятного в русских летописях дня, как Россия имела счастье лишиться Незабвенного.

Но с Орловым случилось, что часто бывает с людьми хитрыми и пронырливыми, но имеющими ум ограниченный: эти люди отлично устроят мелкие делишки, но вовсе не умеют сообразить дел важных, а тем более государственных. Он упустил из виду, что намерения Государя могут перемениться, и что тогда Ланской, при Николае бывший приверженцем крепостного состояния, явится эмансипатором, точно так, как при Иоанне Грозном он отправился бы на Красную Площадь варить людей в котлах, и своею рукою подгребал бы уголья под котлы, не из жестокости — он вовсе не жесток — а единственно руководимый теми чувствами, которые, со времени татарского ига и до наших дней, увлекали большую часть русских сановников творить всякие мерзости. Чувства эти: глупость, трусость и желание сохранить свое место***).

Через два года по восшествии своем на престол, Александр II увидел, что без реформ Россия стремится к своей гибели, а что без освобождения крестьян никакие реформы невозможны. Он принялся за дело освобождения, и Ланской открыто стал на стороне эмансипаторов. Эта черта была бы прекрасною и могла бы заслужить Ланскому почетное место в русской истории, если бы он действовал по убеждению или по крайней мере шел одною, прямою дорогою. Но он постоянно подчиняет свои действия влияниям, преобладающим в ту минуту в Зимнем Дворце. А кому не известно, что в нынешнее царствование, в Зимнем Дворце не семь пятниц в неделю, а семь пятниц в каждом дне? Откуда ни подует ветер, в ту сторону тотчас поворачивается старый флюгер Сергей Степанович. Сегодня он подписывает циркуляры о улучшении быта крестьян; завтра циркуляр о содействии винному откупу, хотя бы оружием, опаивать, развращать и грабить крестьян, и благородное русское войско заставляют служить орудием для откупщиков и для чиновной орды в достижении их мерзких целей. Сегодня Ланской предписывает комитетам губернским изыскивать средства к улучшению быта крестьян, а завтра предписывает им сохранение обязательной работы,

вернейшего пути к резне и к пугачевщине; послезавтра запрещает дворянским собраниям, вопреки всем законам, рассуждать о ближайшем и важнейшем из их интересов; наконец, в феврале нынешнего года, изъявляет согласие на одно из подлейших действий тайной полиции: на ссылку Алексея Михайловича Унковского в Вятку и Александра Ивановича Европеуса в Пермь!

Ланской не министр: он чернильница, куда всякий обмакает свое перо, чтобы писать всякую чушь.

Отчего все это происходит?

Оттого, что Ланской ленив, беспечен, глуп и трус. Сверх того, не будь он на службе, ему бы не хватило денег даже на покупку румян, кои он ежедневно употребляет. Теперь он живет в великолепном министерском доме, имеет огромное содержание, сытно ест, множество людей ему кланяются, а заимодавцы не смеют его беспокоить. Как же, после этого, ему не угодить царской дворне, казнокрадам и бюрократам?

А Россия, для наших сановников, что такое?... Дойная корова!

Ей! Господа! Берегитесь и обдумайтесь! Смотрите, чтобы дойная корова вскоре не превратилась для вас в разъяренного быка!

Мы видели, что Ланской, по неспособности быть совестным судьей, назначен был губернатором; по неспособности к должности губернаторской, назначен сенатором; по неспособности быть сенатором, назначен почетным опекуном; по неспособности к должности почетного опекуна назначен членом государственного совета, и в награду за то, что даже в этой государственной деятельности оказался одним из пустейших людей — сделан министром. При такой высокой и совершенной неспособности, мы надеемся вскоре увидеть его государственным канцлером и светлейшим князем...

Еще сорок лет тому назад Грибоедов сказал про одного из подобных людей:

Он дойдет до степеней известных:

У нас ведь любят бессловесных!

*) Мы намерены в нашем издании помещать биографические сведения о лицах, как живых, так и умерших, известных, одни истинными заслугами отечеству, другие незаслуженным и вредным влиянием при Дворе, третьи счастливыми плутнями и прибыльными подлостями (в Петербурге, эти два последние источника приносят, как известно, обильный доход тем, кто решается в них черпать). В последующих № № помещены будут биографии:

1. Графа Адлерберга (Минина, так прозванного в честь Мины Ивановны).
2. Графа Александра Адлерберга.
3. Анненкова, государственного контролера.
4. Графа Эдуарда Баранова.
5. Фельдмаршала князя Барятинского.

6. Брока, бывшего министра.
7. Барона Брунова.
8. Князя Павла Павловича Гагарина.
9. Генерал-адъютанта Герштенцвейга.
10. Князя Ал. Фед. Голицына (инквизитора).
11. Князя Ал. Мих. Горчакова, министра.
12. Князя Мих. Дм. Горчакова, наместника царства Польского.
13. Князя Вас. Андр. Долгорукова, главного начальника государственной помойной ямы, т. е. III отделения собственной канцелярии.
14. Генерала Дубельта, землекопа и устроителя вышеупомянутой ямы.
15. Лейб-медика Енохина.
16. Алексея Петровича Ермолова.
17. Графа Закревского.
18. Графа Клейнмихеля.
19. Министра Княжевича.
20. Министра Ковалевского.
21. Статс-секретаря барона Корфа, несчастного любовника всех министерских портфелей, безжалостно ускользающих от его преследований.
22. Генерал-адъютанта барона Ливена.
23. Генерал-адъютанта Лидерса.
24. Ивана Липранди, известного шпиона.
25. Князя Меншикова.
26. Барона Мейендорфа, Петра Драдедамовича (или Казимировича).
27. Николая Милютина, обер-флюгера русской бюрократии.
28. Графа Муравьева-Амурского.
29. Генерал-адъютанта Муравьева, покорителя Карса.
30. Муравьева, министра-хамелеона.
31. Муханова, придворного обер-фон-шнейдера и резака русской литературы.
32. Муханова, варшавского стародура.
33. Канцлера Графа Нессельрода.
34. Статс-секретаря князя Оболенского, обер-флюгера русской бюрократии.
35. Генерал-адъютанта Огарева, всероссийского обер-закройщика.
36. Князя Алексея Федоровича Орлова.
37. Графа Панина, бесконечного министра.
38. Министра Прянишникова.
39. Графа Рибопьера, обер-камергера.
40. Сабурова, директора театров.
41. Генерал-адъютанта Тимашева, второго начальника государственной помойной ямы.
42. Ивана Толстого, товарища министра иностранных дел.
43. Генерал-адъютанта Тотлебена.
44. Графа Ферзена, егермейстера.
45. Чевкина, всессорющегося министра.
46. Князя Владимира Черкасского, розголюба и кандидата в бюрократы.

**) Князь Одоевский, ныне единственный и весьма жалкий представитель древнего и знаменитого рода князей Одоевских, личность довольно забавная! В юности своей он жил в Москве, усердно изучал немецкую философию, кропал плохие стихи, производил неудачные химические опыты и беспрестанным упражнением в музыке терзал слух своим знакомым. В весьма молодых летах он женился на Ольге Степановне Ланской, старшей его несколькими годами, женщине крайне честолюбивой. Она перевезла мужа своего в Петербург, и до такой степени приохотила его к петербургским слабостям и мелким проиствам, что при пожаловании своем в камер-юнкера, Одоевский пришел в восторг, столь непомерный, что начальник его тогдашний министр юстиции Дашков, человек весьма умный, сказал: *вот однако к чему приводит немецкая философия!* Одоевский бросался на все занятия; давал музыкальные вечера; писал скучные повести, и чего уж не делал! По выходе его *Пестрых сказок*, знаменитый Пушкин спросил у него (я тогда вовсе не был еще знаком с Пушкиным): *когда выйдет вторая книжка твоих сказок?* — *Нескоро*, отвечал Одоевский. *ведь писать не легко!* — *А коли трудно, зачем же ты пишешь?* возразил Пушкин. Ныне Одоевский, между светскими людьми, слывет за литератора, а между литераторами за светского человека. Спи-на у него из каучука, жадность к лентам и к придворным приглашениям непомерная, и постоянно извиваясь то направо, то налево, он дополз до чина гофмейстера. При его низкопоклонности, украшенной совершенною неспособностью ко всему дельному и серьезному, мы очень удивимся, если, при существовании нынешнего порядка (или правильнее: беспорядка) вещей в России еще лет десятков, не увидим Одоевского обер-гофмейстером и членом Государственного совета!

Одоевский двоюродный брат декабриста князя Александра Ивановича Одоевского, одной из благороднейших и чистейших жертв Императора Николая. После одиннадцатилетней ссылки в Сибирь, тиран не хотел освободить князя Александра Ивановича, а только позволил ему перейти рядовым на Кавказ, где князь Александр Иванович и кончил жизнь, не достигнув сорокалетнего возраста!

**) Стародуры, ныне недовольные Ланским, выдумали плохой каламбур. Так как Ланской румянится, они его прозвали *красным министром*.

Публикуется по: Будущность. 1860. № 1. С. 6–8.